

Ирина РЫЛЕНКОВА

ПОЭТ И ЕГО ЖЕНА (Ты, ставшая навеки моей судьбой)

Часть I

Истоки. Начало

Был в жизни моего папы и будущего поэта Н. И. Рыленкова период, когда его и человеческая судьба, и поэтическое будущее висели на волоске – от момента окончания школы и до поступления в смоленский пединститут. Длился он 4 года – с 1926 по 1930 год, вместил в себя множество разных событий. И главный итог тех очень и очень непростых лет, что совсем молодой человек сумел выдержать сложнейший для большинства людей экзамен на «святейшее из званий – человек» и сохранил его до конца своих дней.

1930 год стал для него годом перехода от юношеской мечты о поэзии и первых шагов в поэтическом творчестве к становлению самобытного, глубокого лирического поэта, настоящего мастера слова. В 1964 году папа написал стихотворение «Памяти С. Я. Маршака», в нем есть такие строки:

«Всё, что он делал, – делал надолго,
Умевший делать очень многое».

Этими же словами можно охарактеризовать и самого Рыленкова.

Летом этого (1930) года у него гостили смоленские друзья – молодые поэт А. Твардовский и критик Адриан Македонов (ровесник папы, но уже закончивший университет). В своих воспоминаниях Македонов (ставший известным литературоведом и критиком, доктором геологических наук) пишет, какое сильное впечатление произвел на него молодой Рыленков: «Я – отдыхающий приезжий, он (Рыленков) – после напряженного летнего трудового дня, ходили босиком по росистой вечерней летней траве, по обочинам пыльного проселка <...>. Помню, как поразили меня, с детства напичканного книгами, в этом моем однолетке и разнообразии его начитанности, и замечательная память на стихи, и бесконечная любовь к ним, и широта его литературного кругозора и вкуса<...>. Начитанность и одаренность молодого председельсовета в глухом деревенском углу были, конечно, исключительными». К словам Адриана Владимировича можно добавить, что уже 4 года папа был отрезан от культурной жизни страны. Правда, почти год после получения среднего образования он работал в селе на Брянщине в школе по ликвидации неграмотности, а фактически еще и учителем в начальных классах. Но если работа по ликвидации неграмотности хотя и очень низко, но оплачивалась, то в начальной школе не платили совсем, так как это считалось педагогической практикой. Денег едва хватало на оплату снимаемого «угла» и скудную еду. Работать приходилось много и тяжело, особенно когда болел основной учитель (он же и директор), а болел он часто. Но

была одна радость – папа стал регулярно печататься в губернских газетах «Путь молодежи», «Наша деревня», «Брянский рабочий». В молодежной газете ответили на папины стихи целую страницу, поместили его портрет и биографическую заметку. «Брянский рабочий» напечатал очень благожелательную статью М. О. Полонского о нем.

Гонорары были мизерными, но удавалось иногда покупать книги и даже выписать из Ленинграда дешевое («нивское») издание собрания сочинений любимого им М. Горького (думаю, что с него началась наша довоенная библиотека).

А затем – возвращение в родную деревню Алексеевка, где папа не только работал в сельсовете (недолго секретарем, а затем председателем), но и преподавал литературу в вечерней школе крестьянской молодежи (она находилась в другом селе), руководил драматическим кружком, выпускал стенгазету. К тому же брошенное дядей отцовское хозяйство требовало поддержки. На творчество оставались только ночи. Но все это не так угнетало, как духовное одиночество. Он остро нуждался не просто в общении, а в общении с людьми образованными, с высоким культурным уровнем. К этому он привык в годы учебы в средней школе, особенно в Тюнино. Эта школа, благодаря уникальному составу педагогического коллектива и изумительной красоте природы стала центром культурной жизни всего уезда. Здесь царил дух творчества, приветствовалась самостоятельность мышления, было понимание сути творческой работы, давалась объективная оценка как поисков и находок человека, взявшего в свои руки перо, так и слабых его сторон.

Папа до конца жизни любил свою Алексеевку, в ней было много хороших людей с интересными характерами, знавших толк в сельском хозяйстве, по доброму относившихся в своему председателю, но мало кто из них закончил даже начальную школу. Сюда редко и случайно попадали новинки литературы. Даже газет было мало, да и стихи в них почти не печатали.

И все же, папа не бросал сочинять стихи, но это становилось все труднее. Да и написанное не удовлетворяло. По совету одного из друзей, написал М. Исаковскому, и переписка с ним, хотя и нечастая, скрашивала ему жизнь, он избавлялся от излишней красоты в стихах. Но нужны были кардинальные изменения в жизни – продолжение образования и интеллектуальная среда.

На мой взгляд, тяга к знаниям у папы была просто феноменальной. Ребенка из простой крестьянской семьи интересовало все в окружающем его мире, и он с раннего детства постоянно задавал вопросы отцу – Ивану Федоровичу – был настоящим «почемучкой», и тот старался всё объяснить сыну. А был он человеком умным и по деревенским меркам «грамотеем» (окончил начальную школу в Тюнино). Но ведь отца мальчик лишился в 7 лет, а фактически в 5, т. к. Иван Федорович был мобилизован в 1914 году на трудовой фронт. А дальше было сиротство. Любовь к знаниям, как я думаю, была у него врожденной и не иссякала всю его жизнь.

Я не могу припомнить ни одного случая, чтобы папа не мог ответить на самые разные мои вопросы обстоятельно, нестандартно. С интересными подробностями. Если вопрос был тривиальным, он отсылал к энциклопедиям, которых у нас было множество. Я повергла однажды нашу учительницу литературы буквально в шок, сказав на уроке, что папа объясняет такой-то вопрос (или факт) иначе, чем она и как именно.

Но и сам он не боялся задавать вопросы. Так однажды спросил у меня (тогда студентки), в чем сущность теории относительности. Я кратко рассказала и поинтересовалась, зачем это ему.

– Мне просто интересно.

Действительно, его интересовало многое и достаточно глубоко. Об этом свидетельствует послевоенная библиотека, в которой было много далеких (как казалось) от литературного творчества книг. И они не просто стояли на полках, а были прочитаны и продуманы – например, «Наука в истории общества» Бертрана Рассела (математика и философа).

То неизгладимое впечатление, которое произвел молодой Рыленков в 1930 году на Македонова (аспиранта университета) – высокообразованного юношу из старой интеллигентной семьи, безусловно свидетельствует насколько деревенский мальчишка сумел подняться в своем духовном развитии в школьные годы. Это был просто невероятный скачок. Но один скачок, как бы ни был он велик, не может превратить талантливого подростка в мастера. Талант это не нечто застывшее, навсегда данное, он требует постоянной работы, должен иметь возможность развиваться, а иначе он угаснет.

Почему же такой начитанный и одаренный юноша, на которого возлагались большие надежды, и который сам мечтал учиться дальше, оказался в деревне и не мог отсюда выбраться? Первоначальная причина была простой. Не было денег на дорогу до ближайшего университетского города – Смоленска. Дядя, у которого после смерти родителей жил папа, не смог выделить нужную сумму – совместное хозяйство, которым он владел с покойным братом, оказалось разорено как общей разрухой в стране, так и не очень рачительным хозяйствованием Павла Ивановича и его легкомысленным характером.

Отсрочка в получении высшего образования огорчала, но не изменила желания учиться дальше. Решил поработать год и откладывать деньги на дорогу. Папа не сомневался, что учась в университете, он сможет зарабатывать на неотложные нужды. Ведь смог же он с минимальной помощью дяди закончить школу.

Но жизнь преподнесла ему совершенно неожиданные испытания.

В семье дяди произошло несчастье – скоропостижно умирает жена, и он – неуравновешенный и импульсивный – бросает всё и уезжает в Донбасс. Надо что-то решать с оставленным хозяйством.

В семье Ивана Федоровича было 4 детей – Татьяна (1895), Анна (1900), Николай (1909) и Афанасий (1912).

Традиционно наследниками считались сыновья. Иван Федорович умер в 1916 году, старшая дочь имела свою семью и жила отдельно, вторая собиралась выйти замуж. Поскольку маленький Коля рос необыкновенно любознательным ребенком, обладал удивительной памятью, был любимцем отца, то домочадцы называли его будущим хозяином, наследником. Но это можно трактовать по-разному, в зависимости от того, что наследовать – духовность человека или его материальные блага.

В детстве нам с сестрой папа много рассказывал интереснейших историй (которые нам часто казались сказками) о своей семье, отце, деревне Алексеевна, где провел детство. И эти удивительные рассказы, оказавшиеся правдой, нашли продолжение в его биографической прозе. Думаю, что все это даёт однозначный ответ на вопрос, каким наследником должен был стать старший сын Ивана Федоровича Рыленкова Николай. Иван Федорович выделялся среди односельчан умом и прогрессивными взглядами, хотя имел за плечами только начальную школу, любил читать книги не только сам, но и

приходившим к нему соседям, знал много стихов, например, Пушкина, сказки которого наизусть рассказывал сыну. Единственный в своей деревне выписывал газету, водил дружбу с учителями. А главное – понимал ценность образования и хотел, чтобы учились все его дети: старших (дочерей) думал увидеть учительницами начальной школы, а сыну дать более серьезное образование. Дочери не оправдали его надежды и не стали учиться дальше школы первой ступени, чем его очень огорчили. Но в сыне он был твердо уверен и решил, что Коля получит хорошее педагогическое образование и откладывал на это деньги, которые ни под каким предлогом не разрешалось трогать. В деревнях до революции учителя пользовались огромным уважением и авторитетом и не занимались крестьянским трудом. Совершенно очевидно – Иван Федорович имел в виду, что умный и не по годам развитый сын унаследует его любовь к знаниям, а не хозяйство. И безусловно понимал, что совместить такие разные виды работ, как обучение школьников с трудом на земле, невозможно, и не собирался к этому принуждать сына. Кому он надеялся передать хозяйство и думал ли он вообще об этом, сказать трудно. Да и очень молодым он ушел из жизни.

Предстояло решить, что делать с хозяйством, брошенным дядей. За это взялась старшая сестра папы Татьяна Ивановна (ей был 31 год, брату – 17). Властная и суровая, она прекрасно знала о воле покойного отца видеть сына учителем, а с другой стороны, ей была известна невероятная тяга брата к знаниям, получению высшего образования и очень высокое мнение школьных педагогов о его весьма неординарных способностях.

И тем не менее решила поступить по-своему – поскольку в семье называли брата наследником – его долг взять на себя хозяйство.

Да, папа с детства был приучен к крестьянскому труду, и все каникулы занимался им в хозяйстве дяди, под его руководством, вместе с двоюродными братьями.

Готовясь к поступлению в университет, как следующей ступени к осуществлению своих жизненных целей, он ясно понимал, что не должен связывать себя с работой земледельца. Даже если бы он и хотел, то не смог бы один поднять такую ношу. Понимая это, Татьяна Ивановна решила брата женить на деревенской девушке, привычной к крестьянским работам. И это должно было крепко привязать его к земле. Действия Татьяны Ивановны всегда казались мне жестокими, диктаторскими и неоправданными. Она не считалась ни с желаниями брата, ни с объективными условиями и возможностями осуществления задуманного ею. А главное, с последствиями навязанного ею решения. А это редко приводит к хорошим результатам.

Брат был еще совсем юн, очень застенчив, не успел даже испытать первой влюбленности, но у него уже была главная цель жизни – не подвести отца, исполнить его волю – стать образованным человеком, учителем и, конечно, осуществить свою мечту о настоящем поэтическом творчестве. Ему казалось, что настает время реализации планов. И тут опять наступает какая-то беспросветность, вместо культурной городской среды – духовное одиночество, тупик, в который толкают обстоятельства. Совершенно понятна растерянность юноши в такой ситуации под сильным давлением сестры, когда не было времени даже подумать, что делать. С одной стороны он в раннем детстве был очень привязан к старшим сестрам, доверял им, хотя они не проявляли в одинокие школьные годы заботы о нем. И все же надеялся (такой был у него характер), что сестра искренне хочет ему добра. А с другой – ясно понимал, что не это нужно ему в жизни,

предчувствовал, что не найдет он здесь настоящее счастье. Просторный мир суживался до маленькой деревушки на неопределенное время.

Вопрос с хозяйством мог быть решен очень просто – у многих односельчан не хватало удобных земель и они взяли бы оставленное хозяйство. Думаю, что именно так и поступил бы папа и нашел бы для него хорошего хозяина, если бы ему дали время.

Возможно, он предлагал такой вариант сестре. И если это так, то это и подвигло Татьяну Ивановну на дикое скоропалительное решение женить брата на девушке, которую он никогда не видел (да и сестра не знала) – чтобы не успел передумать. И Это стало главным ударом судьбы. Брак в сельсовете не зарегистрировали (жених был несовершеннолетним), но семья образовалась.

К чему это привело? К попытке самоубийства. Спас случайно зашедший двоюродный брат, вынувший его из петли. Об этом рассказала вторая папина сестра Анна Ивановна уже после ухода папы.

Адриан Владимирович Македонов, приезжавший в Смоленск на конференции по творчеству трех знаменитых поэтов-смолян, будучи у нас в гостях, рассказывал о том памятном для него лете 1930 года (о котором упоминалось ранее), когда они с А. Твардовским гостили у папы, и как его поразили атмосфера и взаимоотношения в семье. Он сказал, что трудно было найти столь непохожих и неподходящих друг к другу людей, как папа и Марина. Она постоянно жаловалась гостям, что муж только и занимается чужими делами (сельсовет, школа, драмкружок), зачем-то читает ночами или сочиняет стихи, а на свое хозяйство у него не хватает времени. Он плохой хозяин, постоянно твердила она. Адриан Владимирович, видя с одной стороны исключительную одаренность молодого человека, а с другой – полное непонимание его в семье, настоятельно советовал уехать учиться. Папа сам это понимал. Но кто его отпустил бы, если он был единственным человеком со средним образованием, комсомольцем.

А время было чрезвычайно тревожное – шла подготовка к всеобщей коллективизации. Но для успешной работы новых хозяйств требовалось многое. Государству дать было нечего, поэтому нашли «простой» выход – отобрать все, что нажили наиболее трудолюбивые крестьяне (батраки не имели ничего), и началась кампания по раскулачиванию – одно из страшных событий того времени. От земли оторвали, изгнали и частично уничтожили наиболее деятельную, умелую и старательную часть крестьянства, относящуюся к земле, как к матери, и кормившую всю страну.

Но папа, выросший в деревне, знавший, каким тяжелым трудом все доставалось и его семье, и односельчанам, к тому же все работали только сами, и если эксплуатировали, то только себя и свои семьи, а не чужой труд, не допустил внесения ни одного жителя своего сельсовета в списки на раскулачивание. Это не могло остаться незамеченным. На молодого председателя надвигалась гроза – пособник кулаков. Что это так показали следующие события. Непосредственный начальник папы Денисов – немолодой, не очень образованный, но честный, справедливый и чуткий человек, хорошо знавший деревню и крестьянский труд, старался защитить интересы крестьян, но будучи зрелым человеком, гораздо лучше понимал политическую ситуацию и предвидел крупные неприятности для молодого человека. Знал он и о горячем желании своего молодого коллеги учиться дальше и догадывался о неурядицах в семейной жизни.

Денисов понял, что Рыленкову надо срочно покинуть деревню и прямо сказал ему: «Уезжай учиться от греха подальше пока не поздно! Найдем тебе замену в сельсовете и я дам тебе рекомендацию».

Так папа, наконец-то, оказался в Смоленске. А Денисова, как он, по-моему, предвидел, не миновала беда – прошел сталинские лагеря, но по счастью, выжил, после смерти вождя народов был реабилитирован и жил в Подмосковье, разыскал папу и регулярно, хотя и не часто (был удивительно деликатен) писал письма, радовавшие папу интересными загадками, присылал небольшие подарки, имевшие всегда философский подтекст. Например, чудесные миниатюрные лапти, сплетенные по всем правилам и с большим мастерством.

Папа рассказал о них на одном из больших совещаний в Москве, и молва о глубоком смысле, заложенном в эту крохотную вещь, разнеслась буквально по всей стране, напоминая о наших истоках.

Благодаря Денисову папа получил еще один шанс не только на продолжение образования, возможность творческого роста, а, весьма вероятно, на саму жизнь.

Как ни удивительно, но эти весьма тяжелые годы дали ему очень много в формировании своей человеческой сущности, он не потерял себя, сумел сохранить совесть незапятнанной. Вся жизнь папа считал одним из лучших поступков своей жизни то, что ни один человек из его сельсовета не был ни раскулачен, ни выслан. И он никогда не жалел об этих суровых четырех годах.

Но было еще одно обстоятельство, связанное с перерывом в учебе – если бы не оно, то у папы было бы очень мало шансов встретиться с той, что стала его настоящей судьбой, спутницей всей жизни, той, что больше чем песни дарила – совесть его берегла.

Так оказалось, что эти четыре года стали очень значимыми в судьбе папы – жизнь у него не отобрали, появилась возможность продолжить образование, осуществлять мечту о поэтическом творчестве, избавиться от духовного одиночества и обрести личное счастье. Все это давалось непросто, впереди ждало много испытаний, и выстоять в трудных обстоятельствах (по его словам) помогало душевное здоровье, полученное от предков.

В том же 1930 году университет разделили на два института – педагогический и медицинский. Папа поступил на филологический факультет пединститута, приняли его без экзаменов как рекомендованного и сына рабочего.

Уже на первом курсе выделялся среди других студентов своей начитанностью, великолепной памятью и тем, что писал стихи и публиковался в периодической печати. Но сам он считал, что ему надо многое наверстывать, например, был мало знаком с новой западной поэзией.

Первое стихотворение было напечатано в газете «Смоленская деревня» 14 февраля 1926 года, то есть накануне его семнадцатилетия. Чтобы получить аттестат о среднем образовании, папа (после реорганизации тюнинской школы в школу крестьянской молодежи) по рекомендации друзей-студентов перевелся в Смоленск, где учился в вечерней школе, зарабатывая на жизнь разгрузкой вагонов, и был принят в члены литературного кружка университета. Смерть Есенина потрясла его, и он написал стихотворение «Памяти Есенина», прочел его на литературном вечере в университете. Оно понравилось собравшимся, и его единодушно рекомендовали опубликовать в газете «Смоленская

деревня» (поскольку «Рабочий путь» уже напечатал стихи Исаковского о Есенине). Там стихи похвалили лит. сотрудники, но не взяли, редактор не одобрил, не их профиль, и попросили принести другое – на крестьянскую тему. Так и появилось первая публикация, но к огорчению автора, переименовали стихотворение из «Толоки» в безликую «Взаимопомощь» (в дальнейших публикациях название возвращено). Следующее стихотворение было напечатано в конце лета в газете «Юный товарищ», а в 1927 году на конкурсе в этой газете ему присудили первую премию за поэму «Ржаная кровь» (впоследствии несколько переделанная и названная «Лето»). Премия оказалась не денежной, а небольшой библиотечкой книг, и среди них была «Первая книга стихов» И. Уткина.

В деревню, где жил и работал папа, стихи Уткина доходили очень редко. Гораздо чаще попадались ему на глаза ругательные рецензии на них в газетах. Естественно, что в первую очередь он стал читать Уткина. И критика во многом показалась ему несправедливой, хотя и не все у него нравилось. Вот так написал папа в 1967 году о впечатлении, которое произвела та книга на него: «Я читал и перечитывал полюбившиеся мне стихи и через несколько дней знал их наизусть. Меня пленяла в них, как я сказал бы теперь, та музыка человечности, та жажда красоты и чистоты, которая рождалась в суровых испытаниях времени... Конечно, я скорее ощущал, чем понимал, что в своих лучших стихах Уткин утверждал право человека на всю полноту счастья, как право гражданское. Но именно это казалось мне главным в его поэзии, чего не могли заслонить досадные описки».

В конце 1930 года произошло еще одно важное событие для папы – его, первокурсника, пригласили на совещание крестьянских писателей в Москву. А это свидетельствовало – его стихи были известны не только в Смоленске, но и в Москве.

На совещании папу познакомили с А. П. Чапыгиным, которого (по книгам) он знал и любил давно. Алексей Павлович оказался именно таким, как писал о нем С. Есенин – «сродником» – сразу и навсегда располагающим к себе. Чапыгин заставил папу читать стихи, внимательно выслушал, похвалил: «Хорошо, молодец, парень, только смотри, не сбейся на проторенные дорожки.... И не женись».

Удивленному молодому человеку он с хитровой усмешкой пояснил: «Потому что поэт рвется в небо, за облака, а жена его схватит за ноги, да на землю, на землю». С женьбой, как признался, прощаясь с папой, Алексей Павлович, он пошутил, но опять повторил ему: «А крылья, парень, береги, без крыльев нашему брату не жизнь». Это была их единственная встреча, но слова: «А крылья, парень, береги», – запомнил на всю жизнь.

Безусловно. Чапыгин был прав, что без крыльев нет настоящего искусства. Но я убеждена и в том, что Алексей Павлович прекрасно знал и то, как важен для таланта спутник жизни, понимающий значение этих крыльев, и в шутливой форме предупредил о серьезности выбора. Но у папы уже был горький опыт на этот счет.

1930 год и маме – Евгении Антоновне Цунской – послужил точкой отсчета в крутом повороте ее судьбы. Окончив школу в 1928 году в городе Красный, она выдержала серьезные конкурсные экзамены в смоленский университет на педфак (филологическое отделение) – 4 человека на место. Экзамены были одинаковыми на все отделения и по всем основным предметам школьного курса, включая и математику. Но на втором курсе тяжело заболела, и пришлось уйти в академический отпуск. Выздоровев, успела

поработать в школе ликбеза, обучая группу взрослых женщин грамоте, а затем секретарем в суде.

В год поступления папы мама возвращается в Смоленск для продолжения учебы, но уже не в университет, а в институт на второй курс. В этот год им не суждено было познакомиться. Папа наверстывал упущенное за 4 года работы в деревне, активно включился в кипевшую в те годы культурную жизнь института и города, много работал в библиотеках, знакомился с новейшей западной поэзией (почти неизвестной ему) и современными поэтами России, продолжал писать стихи и, как многие другие студенты, зарабатывал на жизнь разгрузкой вагонов. Мало отдыхал, но был счастлив, что наконец-то смог снова учиться.

Мама вновь привыкала к студенческой жизни, новым сокурсникам, изменившемуся составу преподавателей, меняющейся духовной атмосфере в институте, отражавшей усиление подозрительности и доносов в стране. У каждого из них были свои трудности и заботы, но они обладали сильной волей и страстным стремлением к знаниям.

Папа и мама выросли в крестьянских семьях на Смоленщине – во многом похожих, но в то же время судьбы их значительно отличались. По преданию, предки жителей деревни Алексеевка, где родился папа, были крепостными графа Кочубея, и за какие-то провинности их переселили в глухие смоленские леса Рославльского уезда. Поэтому деревня имела еще два неофициальных названия: Корчевка и Ломня, так как, отвоевывая землю под пашни, крестьяне ломали себе спины, корчуя деревья. Труд был адским, но как оказалось позже, сыграл и некоторую положительную роль. Граф в такую глушь не показывался, всеми делами ведал управляющий (умный и оборотистый мужик). Он писал графу, что земли здесь очень скудные, урожаи низкие, и крестьяне едва сводят концы с концами, и прибыли нет. А сам, не обделяя себя и сколотив приличное состояние, не сильно прижимал людей. Поэтому они сумели на новом месте и скудной земле наладить сносную жизнь, хотя работали тяжело и много, имели неплохие избы и хозяйственные постройки.

Мама родилась в Краснинском уезде в небольшой деревне Серхатино. В уезде проживали люди разных национальностей – русские, латыши, поляки, евреи. Нередкими были смешанные браки. К ним относились и мамыны отец (поляк) Антон Францевич Цунский и мать (русская) Серафима Ивановна. Отец Антона Францевича – Франц Янович после одного из многочисленных восстаний в Польше бежал с родственниками на территорию Белоруссии и постепенно перебрался в Россию. Не имея недвижимого имущества (земли), но, по-видимому, сохранив какие-то средства (а может быть, под залог будущего урожая), семья арендовала землю и жилье. Но аренда не давала достаточно средств для покупки собственного хозяйства, и приходилось кочевать. Так они попали на Смоленщину, не имея ни своей земли, ни жилья. Примечательно, что все дети Франца Яновича (4 сына и 2 дочери) были грамотными, имели по крайней мере начальное образование, хорошо воспитанными, любили читать. Франц Янович несмотря на все катаклизмы жизни прожил более 100 лет (примерно 110). По словам мамы это был высокий худой старик, ходил зимой и летом в длинной шубе, держался всегда очень прямо. Мама в детстве удивлялась, что сыновья всегда спрашивали у деда совета по поводу разных работ – ведь они всё знали сами. И только став взрослой поняла, что это была дань глубокого уважения и любви к отцу и поддержка его воли к жизни. Когда Франц Янович

слег, к нему привезли хорошего врача из города, но им объяснили, что это не болезнь, а полная изношенность организма от старости.

Папа называл Янку Купалу (белорусский народный поэт) интеллигентным крестьянином. Я думаю, что и семья Франца Яновича тоже была интеллигентными крестьянами. К ним я бы отнесла и отца папы Ивана Федоровича.

Один из братьев Антона Францевича – Адольф, после призыва на военную службу был отобран в императорскую гвардию. Однажды, когда стоял в карауле у какого-то дворца, он не заметил подошедшего офицера и не успел его поприветствовать. За что получил пощечину и, не задумываясь, ответил тем же. Его отправили на каторгу в Сибирь. Вернулся он после революции.

Вся семья Франца Яновича отличалась удивительным внутренним благородством (совершенно не характерным для жителей глухих деревень). Поразительно, что в то страшное время в семье хранился один предмет с их покинутой родины Польши, о существовании которого не знал никто, кроме старшего поколения – Франца Яновича, его сыновей и дочери Анны. Это был ящик с двумя пистолетами. Мама совершенно случайно увидела их, когда ее тетушка достала из тайника, чтобы почистить. С нее взяли слово не рассказывать о них никому. Знали, что на нее можно положиться. И она молчала. И лишь после войны, будучи зрелым человеком, она пожалела, что не расспросила о них. Но старшее поколение ушло, а их дети ничего об этом не знали.

В 1984 году у нас на даче гостил А. М. Турков (известный литературовед) с женой. Андрей Михайлович мальчиком бывал у своей тетушки в деревне Лунино неподалеку от маминой родины. Мама в разговоре с ним упомянула о пистолетах, которые поразили ее в детстве, и описала их весьма подробно. Турков сказал ей: «Это не боевое оружие, а дуэльные пистолеты».

Зная эпоху, в которой жила семья прадеда, невозможно представить, почему так бережно и в строжайшей тайне хранили такие ненужные, бесполезные в крестьянском хозяйстве вещи, хорошо понимая связанную с ними опасность. По-видимому, пистолеты не случайно находились в семье (от них постарались бы избавиться при удобном случае), а были единственными оставшимися предметами, связанными с жизнью на родине. А если это так, то вряд ли они могли быть у простых крестьян. Вопросов много, а ответов на них достаточно определенных нет.

Мамин отец Антон Францевич относился к той не слишком многочисленной плеяде людей, которые ни при каких обстоятельствах не теряют своей духовной сущности. Он прожил очень тяжелую жизнь не только и не столько потому, что приходилось очень тяжело и много работать, а из-за многочисленных притеснений и несправедливостей, которые приходилось переносить ему постоянно, и при этом никогда не жаловался на судьбу. Никто не узнал бы о них, если бы однажды, потеряв сознание, он в бреду не поведал о них. Благородный, честнейший и добрейший человек. Труженик, бравшийся за любую работу, чтобы прокормить свою многочисленную семью, он отказался вступить в колхоз потому, что видел, какие безобразия там творились, а участвовать в них ему не позволяла совесть. Чуть благополучнее были годы между наделением крестьян земель и началом коллективизации, хотя продналог и в особенности продразверстка были тяжелым бременем. Тогда Антон Францевич приступил к постройке своего первого (и единственного) дома на русской земле. Строили долго и всей семьей – участвовали

все дети. Все делали сами, даже кирпичи для русской печи. К 1924 году дом, состоящий из двух частей, был готов только наполовину, но его так и заселили. Во второй половине не было потолка, печи, одинарные рамы. Решили, что постепенно будут доделывать. А в 1933 году семью выбросили из дома с малыми детьми – решили, что он подходит для сельсовета, а заодно забрали все имущество и даже кур. Зачем церемониться с единоличником. Но это было вопиющее беззаконие даже по тем временам. Мама подала в суд и, как ни странно, суд вынес решение о возвращении дома и имущества. Однако местные власти не только не вернули ничего, но и пригрозили всех убить, если посмеют еще раз обратиться в суд. Так жизнь из тяжелой превращалась в ад. Спасло их то, что в это время у папы вышла книга стихов, и за гонорар купили небольшую старую избушку, по-моему, баньку, но прожили там недолго (она стояла на колхозной земле), и сначала отрезали огород, а затем и разрушили ее. Антон Францевич с семьей остался опять на улице поздней осенью. В шалаше, который соорудили из веток и поставили печь, но тепла не было. И опять папа выручил их, купив небольшой старый домик в селе Гусино. Была крыша над головой, но издевательства не кончались. Мамин отец был из тех редчайших людей, сохранивших свои удивительные человеческие качества в эпоху трагического безвременья, революции и в грозные сороковые.

Было и счастье. Дочь Евгения, страстно стремившаяся к знаниям, преодолев многочисленные препоны, получила высшее образование и встретила свою чудо-судьбу. Вместе они стали якорем спасения, духовной и материальной опорой Антона Францевича и остальных домочадцев, помогая одолевая выпавшие на их долю невзгоды.

Поступление мамы в университет стало почти невероятным событием для жителей деревушки. Но никто не догадывался, что это спасет семью от полного уничтожения.

Выдержав экзамены в университет, мама считала, что преодолела самое трудное на пути к высшему образованию, и дальше все будет зависеть только от нее самой. Но оказалось, что она преодолела только первую ступень, и не самую сложную.

Первые два года пребывания в университете дались маме очень тяжело и не столько из-за скудости средств, а точнее почти полного их отсутствия, или трудностей с учебой (она училась с удовольствием и прилежанием), а из-за морального давления на нее. Ее преследовали постоянные доносы. А они были в то время в порядке вещей, обычным явлением, даже в повседневной жизни, и во многих случаях не были анонимными. Самым отвратительным и самым страшным в этом потоке кляуз была полная безнаказанность доносчиков, от них даже не требовалось подтверждения правдивости изложенного, они не наказывались, если обвиняемому удавалось отстоять правду. Так много месяцев над ней висел дамоклов меч исключения из-за того, что односельчанин написал на нее донос в вуз о том, что она дворянка, графская дочь (что было абсолютной глупостью). А дело закрутилось. Не помогли никакие справки из сельсовета, показания свидетелей – их просто отвергали. Дело продвигалось по инстанциям и дошло до парткома. Мама была в отчаянии. Человек с каменным лицом предупредил – ей дается последний срок – неделя, чтобы доказать свое недворянское происхождение. Если не сумеет – вон из вуза. Мама понимала, что такую справку при наличии доноса ей не дадут. Но отчаяние, безвыходное положение заставили мозг усиленно работать.

– У отца есть паспорт, где указано, что он крестьянин.

– Сейчас все стали крестьянами.

И тут мама интуитивно поняла, что ключевое слово – сейчас. А значит подтвердить свое происхождение можно старыми документами. Она не раз видела дореволюционный паспорт отца. Узнав об этом, парторг сказал: «Если это так, то срочно привозите».

Паспорт хранится по сей день в нашей семье. Это единственная реликвия давно ушедшей жизни, наших корней и символ восстановления справедливости в тяжелейший период жизни мамы. Без этого не произошла бы и счастливая встреча ее со своей судьбой. Доносы продолжались и дальше, но были более мелкими по масштабу, хотя изрядно отравляли жизнь – обвиняли в непролетарском поведении (дала пощечину члену комитета комсомола за то, что распускал руки), читала много внепрограммной литературы и не того, кого нужно. Любила Тютчева и Фета – этого ярого крепостника, а не Демьяна Бедного и Безыменского, позволяла себе иметь собственное мнение и высказывала его и т. д. Повод находился всегда. Дело доходило до открытой слежки – записывали, что говорила. Следили две Маруси – одна в вузе, другая в общежитии. Выносить это было очень тяжело, но старалась держаться. Помогла освободиться от испытания одна сокурсница, член партии сама и жена партийного работника, сказав ретивым «активистам», что Женя хорошая девушка и ничего антисоветского в ее поведении нет.

А в сентябре 1931 года произошла судьбоносная встреча двух студентов литфака.

Часто ли мы задумываемся над тем, почему у людей наделенных теми или иными талантами, судьба складывается совершенно по-разному – одни не только успешно реализуют их и делают гораздо больше того, что от них ожидали, поднимаясь, казалось бы, над собой. А другие, подавая большие надежды, вспыхивают подобно зарницам и гаснут, не оставляя заметного следа. Безусловно, вопрос этот очень непросто и не может иметь однозначного ответа. Духовный мир настолько сложен, что выделить какую-то одну, пусть и важную причину того или иного явления – значит обеднять и упрощать его.

Не берусь обобщать и, безусловно, понимая и принимая во внимание значение внешних объективных факторов, позволю себе все же остановиться на субъективных моментах, может быть на частном, но, на мой взгляд, показательном примере – влиянии на жизнь и творчество Н. И. Рыленкова его жены Евгении Антоновны.

Рыленков, казалось, вопреки всем жизненным и иным обстоятельствам – месту рождения – глухой деревеньке, социальному происхождению – родители крестьяне, раннему сиротству, бедствиям первой и второй мировой и гражданской войн, коллективизации, сталинским репрессиям и т. д., сумел преодолеть все неисчислимы препятствия и, выбрав однажды свой путь (лирику), шел по нему с честью и достоинством, не изменяя ему по сути, но и не топчась на месте: «все вперед, вперед, оберегая в душе искру вечного исканья».

А век был жестоким, и путь очень трудным, много было соблазнов пойти по легкой дорожке.

Как ему удалось выстоять? Безусловно, он был талантлив, целеустремлен, очень трудолюбив, постоянно занимался самообразованием. Ему повезло с прекрасной школой. Но путь от талантливого мальчика до хорошего поэта очень далек даже в спокойные и благополучные годы, не говоря о XX веке с его катаклизмами.

Труд истинного поэта (а не графомана или рифмоплета) – тяжелейший труд, постоянная напряженная работа без выходных и праздников, предполагающая умение видеть глубже и дальше других, наличие мужества говорить правду, какой бы неприятной,

горькой и неудобной она ни была. Это подвиг. Чтобы совершить его, реализовать талант, который дан судьбой не как награда, а как «приказ трудиться, чтоб оправдать сумел ты жребий свой», нужны соответствующие условия.

Век был грозovým, а труд поэта – труд в одиночестве. Результаты туманны и далеко не всегда бывают поняты и оценены современниками. Но и творчество в вакууме – тупик. Ему нужен спутник, спутник постоянный и надежный.

Я убеждена – как сложится судьба поэта, зависит не только от глубины его таланта, личных качеств, внешних обстоятельств, но и во многом от спутника жизни, от совпадения их жизненных позиций, взаимной поддержки и доверия, духовных ценностей, честности во взаимоотношениях и т. д.

Всем свойственна мечта о родстве душ, но это большая редкость в жизни, особенно у людей творческих профессий. Ведь у них совершенно иной ритм жизни, глубокое погружение в работу на неопределенный срок, невзирая ни на что.

Рыленкову повезло. Он встретил ту, которая стала его твердой опорой в жизни и творчестве, почти 38 лет достойно несла звание жены поэта, что далеко не просто. А затем еще более 34 лет продолжала жить в творческой атмосфере, созданной мужем, прилагая титанические усилия по изданию его произведений, в том числе не увидевших свет при жизни автора, была составителем почти всех посмертных изданий, являясь блестящим знатоком его творчества, помогала диссертантам и исследователям, работала с архивом, писала воспоминания, защищала от клеветников. И всегда считала и называла себя не вдовой – только женой.

И хотя в некоторых отношениях они были разными людьми, что тоже очень хорошо – были интересны друг другу, но в главном очень сходны. Оба однолюбы, постоянны в своих привязанностях, их характеризовали глубокая приверженность к земле, трудолюбие, ответственность, честность, щепетильность, непреодолимая жажда знаний, любовь к литературе и многое другое. Оба к моменту встречи прожили, хотя и недолгую, но весьма непростую и даже тяжелую жизнь. Стремление получить образование привело их в Смоленск, где они могли встретиться, а могли и разминуться. Судьба как будто играла с ними, и шансов на встречу было много меньше. Но папа всегда считал, что их встреча была предопределена. Об этом он писал в стихотворениях «Судьба» 1938 года и «О том, что ты на свете есть» 1956 года. Вот 1, 2, 9 строфы из него.

«О том, что ты на свете есть,
Мечта моя,
Принес весенний ветер весть
В мои края.

Он веткой яблони в окно
Мне постучал,
Чтоб я один в краю родном
Не заскучал.

И сколько б ни было дорог
В твои края,
Я разойтись с тобой не мог,
Я не узнать тебя не мог!
Мечта моя!»

В начале сентября 1931 года второкурсник Коля Рыленков познакомился со своей будущей женой Женей Цунской.

Вот как записала мама о начале их жизни с папой: «Золотая осень. Сентябрь. В длинных институтских коридорах людно, шумно, говор, смех. Встречи после каникул. И все движутся, и мы тоже не стоим на месте с подружками Тamarой и Олей. Встречаем студентов младших курсов, новичков, и вот тут мое внимание привлек студент второго курса литфака. Я видела его и раньше, но как-то поверхностно, а здесь меня как будто пригвоздили. Спросила девчонок – кто это, видела, но не знаю. Оля сразу ответила: «Ну, видела, конечно, это наш поэт Коля Рыленков». Странное свойство, закон внутреннего стремления, тяготения. Точно ты встретил родственную душу, которую знал давно, а теперь нашел в этом почти незнакомом человеке, не сказав с ним ни единого слова. Шел Коля со своими говорливыми однокурсниками по коридору и был, казалось как все ребята и иной. Прежде всего, меня поразили его глаза. Глаза, которые смотрели вокруг и как-то внутрь себя. Чувствовалось, что видит он что-то иное, недоступное мне, хотя иногда и смеялся шуткам своих друзей. Весь его облик – скромный и в то же время уверенный в себе, сутулый, с копной темно-русых волос, с задумчивыми глазами и руками, засунутыми в карманы брюк. Косovorотка, подпоясанная узким ремешком, широкие мешковатые брюки и ботинки, редко встречающиеся со щеткой.

Каждый человек, вероятно, встречает на своем пути людей, которые входят в его жизнь навсегда как самые верные друзья. Мне посчастливилось на встречу и дружбу с людьми большой души. В самом начале тридцатых годов, уже будучи на третьем курсе пединститута произошла самая главная, самая радостная встреча в моей жизни. Считаю, что этой встрече я обязана своей счастливой судьбой. Об этой встрече Коля сказал в стихотворении «Судьба» (привожу три последние строфы. И. Рыленкова).

«Ты выросла, и, взгляд прощальный бросив
На отчий дом, ушла ты из села.
Свет августовских зорь и звон колосьев
На память ты с собою унесла.

Да и меня с отцовского порога
Манили в путь далекие края,
Куда тебя звала твоя дорога,
Туда вела дорога и моя.

Они сошлись... И в шумных коридорах
Мы повстречались осенью с тобой.
Нам этот день навеки будет дорог,
Он встал звездой над нашею судьбой».

Вскоре мы познакомилась. Жили мы в это время в одном общежитии (угловой дом на перекрестке улиц Соболева и Советской). И теперь после институтских занятий возвращались вместе. Вечерами, после работы в кабинетах, отправлялись бродить по Блонье и Лопатинскому саду. Осень в тот год была теплая, сухая. Мы любили ходить и шуршать опавшими листьями, и если сидели на скамье, то Коля читал стихи любимых поэтов, редко свои. Часто читал Бунина – мои любимые – «Венецию», «Листопад», «Я простая девка на баштане», «Мушкет», «Сапсан». Читал Коля наизусть и мог читать часами любимых поэтов не прибегая к книге».

А первого октября того же года соединили свои судьбы и, как оказалось, навсегда. Среди множества стихов, за которыми стоит ее образ, есть, например, такое – «Ты знаешь, что ты не зарница» (1963год), простое и очень глубокое. Оно явилось своеобразным ответом А. П. Чапыгину на его шуточное предупреждение о женитьбе:

«Ты знаешь, что ты не зарница
В моей беспокойной судьбе,
И я не боюсь повториться,
Когда говорю о тебе.

Давно зарумянились вишни.
Ждет жатвы созревшая рожь.
Ты больше, чем песню, даришь мне, –
Ты совесть мою бережешь.

Мелькнет и погаснет зарница,
А ты продлеваешь зарю,
И я не боюсь повториться,
Когда о тебе говорю».

Это действительно была любовь с первого взгляда, которая выстояла в жесточайших испытаниях, и в сравнительно благополучные, по крайней мере внешне, времена. А это случается очень редко в жизни.

И хотя они были очень молоды (по 22 года), но уже вполне зрелыми людьми, много испытавшими, самостоятельными, понимавшими, что им не на кого надеяться и ждать помощи, наоборот, считали себя обязанными помочь родным и, не смотря ни на что, оптимистично смотревшими на свое будущее.

Молодой семье выделили крохотную холодную комнату в общежитии. Они имели только стипендии, и папа еще подрабатывал разгрузкой вагонов. На эти деньги нужно было не только питаться и одеваться, но и приобретать что-то необходимое для учебы, книги, выделять Марине деньги на сына (примерно половину стипендии) и, по возможности, родителям мамы, жившим в тяжелейших условиях.

Маме оставался год до окончания института, папе надо было учиться еще два. На материальные невзгоды они почти не обращали внимания. Тяжелее было моральное давление. Папа был видной фигурой в институте и даже городе – писал стихи, а это в ту пору было довольно редким явлением, и уже печатался, комсомолец, руководил

секцией крестьянских писателей города. Мама в комсомоле не состояла, имела «сомнительное» происхождение, а характер гордый и независимый, смела иметь собственное мнение по разным вопросам. На папу начался сильный нажим, чтобы он оставил неподходящую, по мнению комсомольских активистов, жену, и даже предлагали найти «достойную» замену. Однако он твердо отвергал все попытки вмешательства в свою личную жизнь. Поддержали молодую семью и многие сокурсники папы, относившиеся к маме с большим уважением. Их крохотная комнатка была всегда забита друзьями-студентами. Часто бывал там и А. Твардовский, особенно летом 1932 года.

Учеба, семья и прочие дела оставляли мало времени для собственного творчества, но это было главнейшим, жизненно необходимым делом, от которого папа не мог ни отказаться, ни оставить на потом. На него отводились ночные часы. Привычка «уплотнять» время осталась у него с юности и до последних дней. Наверное, поэтому и сделал так много за свою жизнь.

Папе, как и маме, пришлось тоже пережить угрозу исключения из института. Было это на втором курсе, когда они уже были женаты. Папа руководил секцией крестьянских писателей, в которую входили В. Ф. Шурыгин, Н. Буркин, М. Гавриченко и другие. На одном из заседаний секции обсуждалась повесть Шурыгина, который утверждал, что все крестьяне участвовали в Октябрьской революции на стороне большевиков. Н. Буркин в этом узрел крамолу и сообщил в институт, где учились Н. Рыленков на втором курсе и М. Гавриченко на третьем. Один обвинялся как руководитель секции и оба как комсомольцы, не давшие должного отпора Шурыгину. В институте делу дали ход, и оно закрутилось, набирая обороты. Собрания с осуждением проходили долго и нудно и должны были закончиться общеинститутским, на котором их собирались исключить. Но совершенно неожиданно присутствовавший на собрании представитель обкома партии выступил с предложением объявить Рыленкову и Гавриченко выговор, и на этом дело закончилось. Но потрепали им нервы изрядно. Об этом есть у папы очень коротенькая новелла «Переключка», написанная в марте 1969 года (за 3 месяца до его ухода), где он смягчил ужас происходящего мягким юмором.

Начало литературной деятельности папы пришлось на период отрицания и даже разрушения старой культуры. Лирика не приветствовалась – не способствовала строительству нового мира. Существовал призыв в литературу от станка и сохи. Талант ставился много ниже идейности, не считалась обязательной для литературного творчества образованность. Новый мир хотели построить не на фундаменте, а на развалинах старого. Папа же, возможно, частично интуитивно, а в большей степени сознательно, тянулся к духовным истокам своего народа, имевшим два основания – дворянскую и крестьянскую культуры. И обе были в равной степени важны. На него надолго, на несколько десятилетий, приклеили ярлык лирика и отчасти крестьянского поэта (теперь их стали называть почвенниками). Время же велело быть трибуном. Поэтому ему часто доставалось за неактуальность стихов и по разным другим поводам, например, за защиту так называемых кулацких поэтов, увлечение историей (особенно смутным временем) и т. д. Но этот спокойный и мягкий человек, который, безусловно, не был пламенным трибуном и, главное, не хотел им быть, старался доказать, что как многообразна сама жизнь, так и творчество не может быть однобоким, что нельзя отрывать себя от истории культуры и тем обеднять, невозможно строить новое, не зная или разрушая старое.

Приходилось ему очень трудно, хотя и были у него единомышленники. Но, пожалуй, самую большую поддержку он получал от мамы, которая не просто любила его и была предана безраздельно, но искренне разделяла и его взгляды на литературу, искусство, да и саму жизнь, и стала его «беспокойной совестью».

Это был союз единомышленников, освященный любовью. Была в курсе всех литературных событий и битв, в отличие от некоторых жен других литераторов (например, М. И. Гореловой), никогда не вступала в публичные дискуссии, так как оба считали это неэтичным.

Высоко ценя литературный вкус мамы, папа всегда прислушивался к ее мнению о своих стихах и прозе и часто дотошно допытывался – что и почему ей не нравится. У него было два самых суровых и авторитетных критика – он сам и мама, которая знала не только все написанные им стихи, но и варианты, через которые он шел к одному единственному, а это отличает настоящего мастера от ремесленника.

Об этом он писал так в одной из своих миниатюр:

«Гусиные иль золотые перья –
Закон один, открытый не вчера:
Писать умеют даже подмастерья,
Зачеркивать же – только мастера»

28 октября, 3 декабря 1964 года

Обладая прекрасной памятью и врожденной тягой к прекрасному, мама была хорошо знакома со всеми не только выдающимися, но и просто хорошими поэтами. Папа развил у нее способность узнавать даже незнакомые ей стихи более или менее известных поэтов по манере письма, что редко встречается не только у любителей, но и профессиональных литераторов. Это был действительно редчайший случай, счастливая звезда, когда каждый нашел свою мечту.

Работая всю жизнь, как говаривали в старину, «как вол», оставляя очень мало времени на отдых и при этом очень много читая (а читать он умел и читал быстро), папа все же не мог прочесть все, что хотелось или нужно по каким-либо причинам. Поэтому в послевоенные годы, когда мама по состоянию здоровья ушла с работы, просил сделать это маму, особенно прозу, высказать свое мнение, а затем, в зависимости от него, либо читал, либо нет. А мама тоже была страстным читателем со школьной скамьи, истинным книголюбом и имела несколько больше свободного времени (главным образом в позднее вечернее время). Читала мама буквально до последних дней, когда перечитывала сборник стихов Марины Цветаевой или беседовала с В. С. Баевским о Мандельштаме. Она сохранила хорошую память и ясность ума.

После окончания института папа устроился сотрудником в газету, а мама – в библиотеку. Теперь они имели хотя и очень небольшой, но постоянный заработок, могли скромно жить, выкраивая деньги и старшей сестре, и сыну папы, родителям мамы и, конечно, на книги.

В год окончания института (1933) вышла первая книжечка стихов «Мои герои». Это были «сюжетные» стихи, и папа понял, что это не его путь. Главное для него – пейзажная и медитативная лирика.

Издание книги говорило, что автор признан поэтом, но он не спешил переходить, как многие, на положение профессионального литератора. Папе посчастливилось быть делегатом I съезда писателей, проходившего под руководством А. М. Горького. Мама сумела сохранить его членский билет, подписанный Алексеем Максимовичем.

В союзе писателей Смоленска его избирают сначала секретарем (председателем был М. Завьялов), а после репрессирования Михаила Сергеевича заменил его.

Союз размещался в Доме искусств, там же в библиотеке работала мама, что было удобно во многих отношениях.

Привыкнув с малолетства все делать основательно, папа не признавал ни в чем халтуры. Рабочий день его начинался в 5-6 часов утра, а заканчивался далеко за полночь, а затем шел встречать маму с работы. Дом искусств был открыт до двух часов ночи (актеры могли приходиться туда только после спектаклей).

Утро, вечер, часть ночи – время его любимой работы – творчества. Он никогда не уповал только на вдохновение, понимал необходимость кропотливого труда:

«Оно не сказочная птица,
Поющая у ясных вод,
А искра, что в кремне таятся
И твоего удара ждет»

Такое отношение к творчеству, полная самоотдача приносили свои плоды – оттачивалось мастерство, расширялась и углублялась лирика. И очень симптоматично, что в конце тридцатых годов параллельно с лирикой папа обращается к историческому прошлому Смоленска.

Выходят в свет, хотя и небольшие, но уже более весомые, чем первая, книжки: «Встречи», «Земля» (поэма), «Колосья», «Дыхание» (Москва, Гослит», «Истоки», «Березовый перелесок» (остальные в Смоленске).

Папа окончательно убеждается, что сюжетные стихи не его путь, он врожденный лирик, и никакие препятствия не могут оторвать от нее, а сделанный в юности выбор был правильным. С другой стороны, его знание истории, глубокий интерес к ней, логическое мышление неизбежно приводили к пониманию неразрывной связи прошлого и настоящего, которое особенно проявляется в переломные моменты эпохи. А тревожные события и в мире, и в стране говорили об этом. Он был убежден, что «не может быть глубокого чувства современности без чувства истории».

Но если лирика была на обочине поэзии, считалась трудно искоренимым пережитком прошлого, то обращение к истории, нахождение параллелей между настоящим и прошлым были просто недопустимы. Если первая книга вызвала одобрительные отзывы не только в Смоленске, но и центральной печати, вторая «Встречи» получила доброжелательный отзыв в журнале «Литературная учеба» (руководимым М. Горьким), остальные, кроме последней, были встречены молчанием критики. «Березовый перелесок», в который вошли кроме лирических стихов исторические баллады и две поэмы о народно-патриотическом движении в Смоленске, был жестоко разруган критикой – «ведь я писал о таких «неактуальных проблемах, как любовь, дружба, верность родной природе, история». Единственно, кто сказал доброжелательные слова о ней, был Даниил Данин в

журнале «Новый мир». Папа писал М. В. Исаковскому в письме от 10.02.1941: «Недавно у нас было обсуждение итогов литературного года, на коем мне изрядно досталось за лирику и увлечение историей, так что я сейчас пишу мало, больше переживаю».

А быт семьи оставался по-прежнему предельно простым, даже аскетичным – не могли оставить в беде близких. Кроме того, потихоньку осуществляли свою мечту – иметь собственную библиотеку, и на книги тратили солидную часть бюджета. Занимались этим и папа, и мама. Как заведующая библиотекой она имела право закупать необходимые книги не только через бибколлектор, но и у частных лиц. Губернский Смоленск был культурным городом, в нем сохранилось много личных собраний – хорошо изданных, с прекрасным подбором книг, в основном классики, но и не только – великолепные альбомы по искусству и т. д. Мама покупала для папы то, что он считал необходимым иметь дома, в основном дореволюционные издания (часто первые) и некоторые редкие, не издаваемые в стране после революции. Но не все, так как многие книги, которые очень хотелось бы иметь дома, но можно было обойтись, стоили дорого и были им не по средствам. Так, например, роскошно изданный альбом импрессионистов. Он был куплен в библиотеку Дома искусств.

Папа покупал книги в магазинах Смоленска, но чаще, бывая в командировках, особенно в Ленинграде и Москве, в букинистических лавках и на развалах. Его прекрасно знали продавцы и оставляли нужные издания. Даже бывая в военной Москве, он обязательно заскакивал к букинистам.

К началу войны у них сложилась уникальная по составу, хотя и не такая большая как послевоенная, библиотека. Она была утрачена в годы оккупации, но история ее не закончилась. Мама покинула Смоленск за несколько дней до занятия города, налегке, не взяв с собой ничего кроме маленькой сумочки с документами и книги «Березовый перелесок», так как иначе она не смогла бы уехать – последние поезда брали штурмом. Промежутком «безвластия» в городе воспользовались мародеры – вскрывали оставленные квартиры и забирали вещи, а книги, к счастью, их не интересовали. Открытые двери позволяли оставшимся в городе опытным библиотекарям целенаправленно попасть в нашу квартиру, отобрать наиболее ценные книги и сохранить у себя или знакомых до освобождения города. Но забрать все, как я полагаю, было невозможно. Что осталось, безусловно, погибло, так как в квартире обосновалось гестапо. О том, что наши книги есть в библиотеке, и как они туда попали, подтвердили многие, в том числе довоенный (и послевоенный) директор Иван Прокофьевич Иванов, но вернуть их невозможно – на них нет подписей владельца. Настаивать папа не стал, посчитав, что хорошо уже то, что они не канули в лету. Конечно, ему было жаль утраты, особенно редких книг, но он был человеком широкой души, и надеялся, что у него будет вновь хорошая библиотека, не мыслил жизнь без книг, без чтения. Это было первоосновой его культуры, обширных знаний, поражавших окружающих. Но много читая с детства и при плохом освещении, папа испортил себе зрение – развилась близорукость, а поскольку вначале он не носил очки, она прогрессировала. Своим творчеством занимался главным образом ночами, а утром не мог прочесть написанное. В этом ему помогала мама. Она была, наверное, единственным человеком, кто мог это делать.

К строевой службе папа был негоден. Поэтому, когда его призвали на действительную службу, определили в библиотеку. С высшим образованием служили год. Отправил-

ся в армию в ноябре 1934 года, а демобилизовали, и он возвратился в Смоленск в конце осени 1935 года. Именно это время оказалось очень важным в жизни папы.

Многие призывники имели высшее образование и среди них москвич-биолог, ставший впоследствии известным патологоанатомом, профессором Московской ветеринарной академии – Николай Алексеевич Налётов. Как случается, хотя и редко, любовь с первого взгляда, так и они с папой подружились с первой встречи. Только на первый взгляд их профессиональные интересы могли показаться очень далекими. Каждый был глубоко предан избранному делу, бесконечно любили и знали природу, книголюбы, духовно богатые и одаренные люди с чуткой совестью. Как неординарные личности интересовали друг друга, общение доставляло им удовольствие, отдохновение и знакомство чем-то неизвестным.

Папа вспоминал, как летом 1936 года был в Москве на сессии в Литературном институте (хотя имел уже хорошее филологическое образование, впрочем, он учился всю свою жизнь). Был жаркий июньский день, воскресенье. И он, по своему обыкновению, отправился в один из музеев, где обычно проводил целый день – посетителей было мало, и можно подолгу рассматривать картины. Но в этот день его что-то беспокоило, он не мог сосредоточиться и довольно рано отправился в общежитие. Возможно, подействовала гроза, а может быть мучило какое-то предчувствие. Действительно, вскоре его вызвали к телефону. Звонили из Союза писателей – умер Горький. Просили прийти. Это был гром среди ясного неба. Что Алексей Максимович болен папа знал от сотрудников журнала «Колхозник» – его после первых публикаций там причислили к постоянным авторам. Но состояние Горького не предвещало такой исход.

Папа говорил маме, что все дни до похорон прошли как в тумане. Он ни о чем другом больше не мог думать – Алексея Максимовича больше нет, и мучился неразрешимым вопросом – как такое могла случиться?

Горький с юности был для папы не только великим писателем, но и (что очень важно) – великим человеком. О нем даже в их деревенской глуши ходили легенды. Первым собранием сочинений, которое приобрел 17-летний Рыленков на заработанные деньги, было нивское издание Горького. Приезда Горького ждали и очень радовались возвращению. Его значение для страны в те суровые времена трудно представить. Многим, очень многим он помог и словом и делом. (Например, Исаковскому – рецензиями, Твардовскому и Рыленкову – статьями в «Литературной учебе»).

Папа был включен в список почетного караула. Своей очереди ожидала и Софья Андреевна Толстая-Есенина. Она что-то рассказывала ему о Есенине, но он совершенно ничего не запомнил, хотя обладал просто феноменальной памятью и очень любил Есенина. Все мысли были поглощены Горьким. Он был потрясен уходом Горького, воспринимал как личную потерю и осознавал, что с Алексеем Максимовичем уйдет и значительная часть эпохи. Измотанный событиями, он не хотел общаться с писателями. Ему нужен был умный и чуткий человек из другой среды, с которым можно было откровенно поговорить, и кто понял бы его состояние. И такой человек был – молодой биолог Н. А. Налётов. Николай Алексеевич очень точно подметил сущность происходившего: «Удивительная судьба у этого человека. Всю жизнь светил, и в день его смерти затмилось солнце». Действительно в тот день произошло солнечное затмение. Потеря была очень велика, но надо было собрать душевные силы и жить дальше. К первой годовщине смерти Алек-

сея Максимовича папа написал стихотворение «Человек», планируя опубликовать в горьковском журнале «Колхозник», но там оно не появилось – очень многое изменилось и в стране, и в журнале. Но ему казалось, что этого мало, и задумывает и пишет поэму «Большая дорога», опубликовав перед войной в альманахе «Родина» (Смоленск). После войны папа переделал поэму. Образовалось два самостоятельных произведения – «Большая дорога» о Горьком и «Петербургский туман», где героем являлся сам город над Невой. У этой поэмы находят много аналогий с «Поэмой без героя» А. А. Ахматовой – и время действия, и время написания, и главный герой – Петербург.

Год действительной службы принес не только радость дружбы на всю жизнь, но и горечь клеветы. Люди с завистливыми душами и ничтожными способностями, это «злоствующее невежество», не способное подняться до уровня Рыленкова, хотели низвести его до своего. Да, им это не удалось. Достаточно сравнить время службы в армии (вне Смоленска), т. е. с конца ноября 1934 года до конца осени 1935 года, с публикацией статьи Горбатенкова «Стих – это бомба и знамя» – 24 апреля 1935 года, чтобы понять абсурдность обвинения. Но сколько душевных сил, скольких лет жизни это ему стоило, сколько мог он еще сделать и принести счастья своим читателям, перед которыми он всегда считал себя в долгу. То, что Рыленков не мог быть ни соавтором статьи, ни подписать ее, знала фактически вся творческая интеллигенция города (в том числе А. Т. Твардовский и его жена) – ведь он уехал из Смоленска не на день или неделю, а на год. Поэтому многие понимали, что был подлог с тремя подписями. Опротестовать же это в печати в то время (да и не только тогда) было невозможно. Думать обратное – это либо плохое знание истории, либо сознательно придерживаться не правды, а правдоподобия в своих целях. Как писал Рыленков:

«Правда доверчива к людям.
Не верит им – Правдоподобье,
И, даже за Правду воюя,
Правду оно предает».

Факты и мнения

Виктор Васильевич Ильин (профессор СмолГУ) в статьях о студенческих годах Твардовского и Рыленкова приводит три факта участия Рыленкова в судьбе А. Твардовского.

1) В 1930 году Рыленков (только поступивший сам в институт) отказался голосовать за исключение Твардовского из ассоциации пролетарских писателей.

2) Будучи секретарем оргкомитета Союза советских писателей Западной области он вместе с А. Локтевым написал ходатайство о приеме поэта Твардовского в пединститут без экзаменов. И его удовлетворили. Думаю, что Александру Трифоновичу, не имея среднего образования, сдать вступительные экзамены было бы проблематично.

3) В 1934 году, когда шла проработка А. Твардовского, Рыленков поддержал защитника Твардовского Ивана Липовку. Замечу, что с конца ноября 1934 года до конца осени 1935 года Рыленков отсутствовал в Смоленске – был на действительной военной службе. И именно в это время – 24.04.1935 к областному совещанию по поэзии и

газете «Большевистский молодежник» появилась статья «Стих – это бомба и знамя» направленная против Александра Твардовского за тремя подписями – Горбатенкова, Каца, Рыленкова. Соавторство Рыленкова можно отнести сразу – он служил в армии вне Смоленска (есть доказательства и у Каца). Такие грубые ошибки совершенно не к лицу человеку, считавшему себя серьезным ученым, когда факт фальсификации был доказан документально. Ошибки может совершать каждый, но когда известна правда, и они повторяются – это уже граничит с бесчестием. Кстати сказать, в статьях В. В. Ильина их достаточно, правда, они помельче «соавторства». Надо сказать, что в статьях Ильина не приведено ни одного факта травли Рыленковым Твардовского кроме статьи, к которой он был непричастен.

Кто такой В. Горбатенков? Учился в смоленском пединституте, «прославился» своими политическими доносами, борьбой с классовыми врагами и их пособниками. Так, например, написал донос на своего однокурсника Павла Гончарова, что он сын кулака, мотивируя тем, что тот привез из деревни сало и колбасу и угостил всех соседей по комнате, а у простого колхозника таких продуктов нет. К счастью Павлу удалось оправдаться – его старшие братья работали в городе, неплохо зарабатывали, а один из них был сотрудником органов. Иначе его бы выгнали из института с последнего курса. И это был не единичный случай.

В книге А. Кондратовича «А. Твардовский. Поэзия и личность» (М.: Художественная литература, 1978) приведена цитата из опубликованного в апреле 1935 года отчета о литературном декаднике, где обсуждалось творчество Твардовского: «Товарищ Горбатенков четко проводит мысль, что стихи Твардовского не воспитывают у читателя любовь к социалистической родине, не заряжают их в борьбе, не учат ненавидеть классовых врагов, а сглаживают, наоборот эксплуататорскую сущность кулачества, искаженно показывают представителей бедноты и батрачества, исторический смысл происходящих в деревне событий». В книге есть цитата из передовой статьи журнала «Литературная учеба» (№ 2–3, 1935) руководимого М. Горьким, в которой говорится о «затянувшейся склоке» в Смоленске, где «начинающий полупоэт-полукритик Горбатенков «изничтожает как классового врага другого смоленского поэта Твардовского, не стесняясь в выборе средств».

Рижский журналист Афримович, проработавший в газетах и журналах более 40 лет, в статье «Загадки одной публикации» (о статье «Стих – это бомба и знамя») пишет: «Подписали ли? Вот в чем вопрос. В отношении Горбатенкова ни у кого сомнений нет, но подписали ли статью против Твардовского Рыленков и Кац?<...> Но люди, работавшие в печати в то и более поздние времена, знают, какие манипуляции были тогда возможны с подписями. <...> Известны случаи, когда вопрос о том, можно ли поставить подпись какого-либо рабочего или служащего, партийного или общественного деятеля согласовывался по телефону или не согласовывался вообще. <...> Но поскольку Рыленков был на военной службе, то не только не мог подписать статью, но и вообще вряд ли мог дать согласие на это».

Адриан Владимирович Македонов (литературовед, доктор геолого-минералогических наук) писал: «...считаю, что статья о Твардовском, как кулацком поэте, которая неоднократно затем приводилась в качестве примера травли раннего Твардовского, за 3 подписями Горбатенкова, Рыленкова, Каца несомненно была написана Горбатен-

ковым, занимавшим тогда влиятельное положение в местной комсомольской газете и активно в течение ряда лет выступавшего с политической клеветой по адресу Твардовского. <...> Это согласуется со свидетельством моей памяти, что они никогда не призывали к каким-либо репрессиям в отношении Твардовского и тех, кто заступался за него против Горбатенкова и других клеветников в Смоленске и центральной печати».

Владимир Петрович Мальцев, бывший редактор Смолгиза и редактор последней, предвоенной книги Рыленкова «Березовый перелесок» писал из действующей армии 05.05.1944 года: «Вы писали тогда прекрасные стихи. Такое чувство красоты и нежности, какое было свойственно Вашим лирическим стихам того времени, явление редкое и драгоценное. <...> По моему мнению, Вы лучший из всех теперешних лирических поэтов. Ваше творчество и глубоко русское и общечеловеческое. В этом его сила и жизненность. <...> На критиков, которые иногда облаивают Вас, Вы плюйте. Р. Ролан очень хорошо сказал, что критика, выбивающаяся из сил, чтобы низвести до своего уровня великих людей и великие мысли, или женщины, находящие удовольствие в развращении своих любовников, и вредные животные одной и той же природы. <...> Из наших «друзей» к первым относились Горбачев и Горбатенков и им подобные. Без краски стыда я не могу вспомнить наши вечера в Смоленском Доме искусств, где высказывалось много гнусностей по адресу лирических произведений. Эти вечера были просто выставкой злобствующего невежества, прикрывающегося ходячими предрассудками».

Цитаты из писем читателей

1. Ларин С. К. , Москва, 1967 год

«Вся сила и ценность, вся прелесть и красота Ваших стихов заключается именно в том, что они Рыленковские, что в них нет ничего чужого, заимствованного у других замечательных и великих поэтов, что является большой редкостью, большим творческим подвигом».

2. Л. Нечаева, Москва 1963 год

«Судя по Вашим стихам, Вы человек широкой и светлой души. А судя по тому, что о Вас говорят – глубоко порядочный человек. А это само по себе дар»

3. Пенсионер из Днепродзержинска, 79 лет, 1960 год

«Прочел Ваше стихотворение, 90 стихов в «Советской России» «Лев Толстой» и пережил радость за Вас и за всю нашу поэзию.

Можно – с некоторым риском – сделать вывод, что Вы понимаете или чувствуете, что такое Толстой. Если так, то Вы вступаете в новый период творчества. <...> У меня лежит №10 «Невы». Там прочел 5 стихотворений – последние два свидетельствуют о Вашем человеческом достоинстве – это редкость. <...> Я словесник-пенсионер, преподаватель средней школы с 1905 (!!!) года. Мне 79 лет, из писателей современных считаю наиболее приемлемыми Паустовского в прозе и недавно умершего Заболоцкого – в стихах. Но тот и другой середняки. <...> Ваш отклик на дату 20/XI-60 исключительно яркое явление, по существу – уникальное – пока».

Стихи, опубликованные в журнале «Нева» и о которых идет речь: 4 – «О чем ни пой – почувствует народ», 5 – «Все до поры до времени копим». Дата 20.11.1960 связана с пятидесятилетием ухода из жизни Л. Н. Толстого.

4. Ксения Петровна Богаевская, Москва, 1956 год

«Когда мне попадают в руки книги советских поэтов, я их жадно хватаю, но увы, почти всегда откладываю с огорчением в сторону. В прошлом году я купила в киоске книжечку Ваших стихов (в «Библиотечке Огонек»). С тех пор с Вашими стихами я не могу расстаться... Больше всего меня волнует в них ощущение душевного благородства автора, искренность, любовь к русской природе, умение любить (я говорю умение, потому что, по-моему, это не все умеют).

В июне 1967 года папа получил письмо из редакции «Нового мира»: «Дорогой Николай Иванович!

В юбилейной 11-ой книжке «Нового мира» за 1967 год редакция хотела бы представить слово нашим авторам, близким друзьям и сотрудникам журнала <...> Очень просим Вас принять участие в этом предприяттии редакции и написать для нас несколько страничек о том, что для Вас наиболее дорого и ценно в 50-летней истории Советской литературы. <...>

Зная Ваше доброе отношение к журналу, вы найдете возможность откликнуться на нашу просьбу.

Июнь 1967 г. Твардовский, Лакшин, Сац и др.

6 июля была получена благодарность от А. Твардовского:

«Дорогой Николай Иванович!

Спасибо за реальный отклик на призыв редакции – дадим ему место в одном из номеров поближе годовщине в приличной компании. Собираюсь быть скоро в Смоленске, постараюсь дозвониться. Привет дому твоему.

А. Твардовский»

«Память Николая Ивановича – поэта и человека всегда будет незабвенной для всех, кому дорога русская поэзия». А. Т. Твардовский

«Смерть дорогого друга Николая Ивановича, горячо любимого всеми нами ленинградцами, тяжелая утрата для каждого человека и писателя». Д. А. Гранин

«Какое горе, что его нет с нами, какое счастье, что он был, жил, писал, что с нами останутся его книги». В. А. Звездаева

Очень надеюсь, что имеющие глаза – увидят, имеющие уши – услышат, и все, кто действительно хочет – поймут – где правда, где правдоподобие или притворившаяся правдой ложь.

«Мы видим мир,
Ревнивыми глазами,
Но кто за это
Смеет нас корить?
На всех путях,
Что нам пришлось торить,
Мы за свои ошибки
Платим сами,
И за чужие –
Тоже нам платить».

3-4 января 1966 года

«Не забывай,
Пока твой век не прожит,
Что на любых путях.
Где ты идешь,
Ничто так душу
Осквернить не может,
Как притворившаяся правдой
Ложь».

29 мая 1968 года

И еще раз вспомним о парадоксах свидетелей, о притворившейся правдой лжи и опять же о той статье 1935 года. И. Т. Твардовский утверждал, что он рассказал о ней брату, и как тот был расстроен. Но как это стыкуется с действительностью, если Александр Трифонович жил с женой Марией Илларионовной и дочерью Валею в Смоленске, а остальная семья (включая и Ивана Трифоновича) находилась в ссылке? Не хочу повторяться – сошлюсь на приведенное выше высказывание Р. Роллана.